

МЕТОДОЛОГИЯ

Д.Н. ЗАМЯТИН

**Пространство как образ и транзакция:
к становлению геоэкономики**

Отталкиваясь от идей институциональной экономики и используя по аналогии фундаментальное понятие *транзакция*, осмысливая проблемы на стыке гуманитарной географии, экономики, социологии, политологии, международных исследований и социокультурной антропологии, я попытаюсь в этой статье очертить контуры новой междисциплинарной научной области – геоэкономики, рассматривающей и изучающей пространство как образ и транзакцию. В начале статьи пространство трактуется еще достаточно узко, как определенная *экономическая* транзакция в виде специализированных географических образов; затем перейду к более широкому взгляду на пространство и его образы как на *фундаментальные* транзакции в большинстве сфер человеческой деятельности.

Географические образы и экономические транзакции

Эволюционная и институциональная экономика придает особое значение транзакциям, транзакционным издержкам и их специфике. Но пространственное размещение экономических ресурсов, хорошо исследованное в традиционных классических и неоклассических построениях, начиная с И. фон Тюнена, А. Лаланна, В. Кристаллера и А. Леша, до сих пор сравнительно слабо увязано теоретически с характером и структурой соответствующих транзакций [Smith, 1979]. Между тем пространство, репрезентированное эндогенными и экзогенными образами, может выступать как своего рода транзакция, или ряд транзакций, что подразумевает учет образно-транзакционных издержек.

Однако в образной и гуманитарной географии пока доминирует изучение генезиса и эволюции образов пространства/географических образов в геополитике и культуре, политической деятельности [Замятин, 1999, 2004^а; 2004^б; Замятин, 1998, 2001; Митин, 2004; Гуманитарная... 2005; Cosgrove, 1989; Daniels, 1992; Castree, 2001]. Традиционная экономическая география далека от попыток системного рассмотрения институциональной специфики экономических пространств и их образов. При этом в геоэкономических исследованиях пространство изучается, в частности, как пластическая среда для целевого формирования тех или иных экономических концептов, предписаний и действий [Кочетов, 1999; Неклесса, 1999; Замятин, 2001^б]. Институциональная и эволюционная теории учитывают пространственный фактор в анализе экономического поведения и экономических институтов, тем не менее сами образы пространства не восприни-

Замятин Дмитрий Николаевич – доктор культурологии, кандидат географических наук, заведующий сектором гуманитарной географии Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева.

маются как отдельные и существенные трансакции [Норт, 1997; Эггертссон, 2001; Ходжсон, 2003].

Между тем экономические агенты, вступая в отношения и принимая решения, явно или неявно оперируют образами пространства, сложившимися у них в контексте конкретной экономической деятельности, которые могут в той или иной степени влиять на экономические взаимоотношения. Речь идет не только и не столько о случаях принятия решений по поводу определенного географического размещения каких-либо экономических ресурсов, сколько о "рамочных" условиях практически любой экономической деятельности или активности. Образы пространства в экономической деятельности являются трансакцией, поскольку могут замедлять или ускорять принятие соответствующих решений, а иногда представляют собой основной фактор (условие) принятия решений в экономике. Следовательно, необходимо говорить и о специфических трансакционных издержках, связанных с восприятием, формированием и развитием образов пространства в экономике. Эти издержки необходимо исследовать и учитывать при анализе экономических процессов.

Предметную научную область, в которой изучаются пространственные/географические образы как экономические трансакции, можно назвать *геономикой*¹. Это междисциплинарная область исследований на стыке образной/гуманитарной географии, а также эволюционной и институциональной экономики. Переход от понятия пространства к понятию образа пространства и далее к географическому образу позволяет при увеличении количества мыслительных операций (ментальных трансакций) тем не менее снизить общие трансакционные издержки изучения пространственного фактора в экономической деятельности.

Специфика геономики как предметной области

Понятие геономики может быть расширено за счет взаимодействия с более общей институциональной и эволюционной теорией социальных явлений и процессов [Луман, 2004, 2005^a, 2005^b, 2006; Скотт, 2005]. Тогда возможно понимание генезиса и эволюции географических образов как, с одной стороны, формирования специфических общественных институтов, а с другой – как определенных политических, экономических, социальных и/или культурных трансакций. Наряду с этим возможно и иное понимание географических образов – как политических и/или экономических активов, анализ структуры и оценка которых также предполагает изучение и учет соответствующих трансакций и трансакционных издержек.

Значительный пласт современных образно-геополитических исследований может быть напрямую использован в геономике, поскольку анализ геополитических образов – по существу, трансакционный и институциональный [Цымбурский, 1999; 2007; Замятин, 1998]. Моделирование географических образов городов и территорий различного ранга (муниципальные образования, административные районы, субъекты РФ, историко-культурные регионы) в ходе полевых исследований и анализа различных текстов непосредственно сталкивается с необходимостью интерпретации самих образов как трансакций [Замятин, 2003; Замятина, 2002; 2004; 2005; Замятина, Арутюнян, 2005]. Между тем подобного рода интерпретации возможны лишь в рамках хорошо разработанного ситуационного анализа. На мой взгляд, это требует как теоретического, так и прикладного развития геономики.

¹ В настоящее время этот термин употребляется в геологическом моделировании для решения актуальных задач по повышению эффективности эксплуатации месторождений нефти и газа. В частности, под геономикой резервуаров понимается объединение данных по протяженности залежи, ее неоднородности, геометрии, значениям давления в пласте и других параметров [Corbett, 2002]. Кроме того, термин "геономика" используется для методологического анализа специфики астрономо-геодезических знаний [Машимов, 2000; 2001]. В данной работе предлагается иное, более широкое толкование этого термина, учитывающее пространственные контексты его введения в различных прикладных областях исследований.

Понимание пространства в геоэкономике имеет ряд особенностей. Хотя, как отмечено, с точки зрения транзакционных издержек исследования удобнее пользоваться понятием географического образа, тем не менее понятие пространства рассматривается как концептуальный *background* геоэкономики. Эти особенности таковы: 1) наиболее явное физическое (или "реальное") пространство позиционируется как условный "склад" нечетко зафиксированных, "размытых" экономических ресурсов и активов; 2) экономическое пространство, "населенное" различного рода экономическими агентами и имеющее сопротивление, трение в виде разных транзакционных издержек, понимается как целостный образ, являющийся сам по себе транзакцией или рядом транзакций; 3) можно говорить и об образном пространстве, которое подразумевает возможность синергии различных географических образов, относящихся к одному и тому же физическому или экономическому пространству.

Геоэкономика предполагает включение в источники научных исследований художественных, публицистических текстов и эссе, в которых эффективность возможных реконструкций и интерпретаций географических образов прямо связана с рассмотрением этих образов как экономических транзакций. К ним можно отнести, например, такие произведения, как "Замок" Ф. Кафки, "Чевенгур" и "Котлован" А. Платонова, ряд повестей и романов С. Беккета. Вместе с тем для геоэкономики остаются актуальными и традиционные источники эволюционного и институционального анализа, включая экономическую и юридическую документацию, материалы социологических опросов и глубинных интервью.

Геоэкономическая интерпретация экономики и экономической географии

В контексте классических экономических проблем в геоэкономике возможно понимание образов пространства не только как собственно необходимых транзакций для заключения определенной сделки, но и как самих сделок – неких соглашений или компромиссов. Так, традиционная для экономики задача нахождения экономического оптимума при ограниченности имеющихся ресурсов может быть сформулирована иначе – как задача выявления или формирования наилучшего географического образа (нового предприятия, фирмы, инвестиций – любого инвестиционного или иного экономического проекта) при известных информационных ограничениях. Эмоциональная составляющая решения этой задачи, остающаяся при традиционной постановке вопроса, как правило, "за кадром" (что, естественно, затрудняет научное исследование проблемы), непосредственно фиксируется теми или иными элементами (знаками, символами, стереотипами) найденного или репрезентированного образа.

Возвращаясь к античному пониманию экономики как домашнего хозяйства, наиболее четко изложенному Аристотелем, следует вспомнить, что современная экономика (в трудах наиболее авторитетных экономистов) так или иначе сохранила ядро первоначальных представлений о собственном содержании [Поланьи, 2004, с. 9–51]. Под влиянием этих представлений экономика может интерпретироваться как образ пространства, рассматриваемого или даже чувствуемого как собственность или вещь, находящаяся в чьем-либо владении. Тогда геоэкономике можно интерпретировать как новую научную область, в рамках которой исследуются процессы и процедуры "приватизации" земного пространства, его "доместикации" в формах различных географических образов.

Характерно, что геоэкономическая интерпретация экономики ориентирована на *фрактальное видение* земного пространства: всякий географический образ, вбирающий в себя и репрезентирующий собой экономическое решение, совокупность транзакций или какую-либо сделку, заранее неполон, частичен; он лишь часть пространства, замещающая в какой-то момент времени все пространство, попадающее в поле конкретного мышления и воображения. В этом смысле геоэкономика наследует экономике и умножает, мультиплицирует ее важную когнитивную особенность – стремление к тотальному трансформированию любого объекта или актива, осознанного как экономический (будь то предмет, человек или группа людей, какая-либо идея, территория и т.д.), в дру-

гой, непосредственно и как бы автоматически увеличивающий его стоимость или цену [Поланьи, 1999^а, с. 498–504; 1999^б, с. 505–513; 2001; 2004, с. 415–448]. Однако, в отличие от классической и даже неклассической (институциональной) экономики, гекономика меняет точку зрения на предмет исследования: смыслом и целью исследования выступает не механизм увеличения, мультипликации исходного актива, а сами закономерности и причины появления подобных активов – постольку, поскольку они формируют автономные пространства и соответствующие им образы.

Одна из классических задач экономической географии – оптимальное размещение какого-либо нового экономического объекта с учетом различных факторов размещения – может быть сформулирована в контексте гекономики особым образом. Сам по себе любой мыслимый или воображаемый объект (завод, предприятие, город и т.д.) как бы *назначает цену* пространству, в котором его предполагается разместить. Говоря по-другому, именно первоначальный образ нового экономического объекта в известной степени "диктует" образ своего пространства, понимаемого одновременно и как транзакция, и как сделка. Предполагаемый экономический объект становится экономико-географическим в тот момент, когда он воображается сам по себе как уже освоенное и осмысленное пространство, как "окультуренная среда". Это означает, что традиционные факторы размещения (сырьевой, топливный, трудовых ресурсов, потребления и т.д.) в гекономическом смысле есть не что иное, как образные "суррогаты" уже приватизированного пространства, его внешние оболочки. Гекономические варианты решения подобной задачи представляют собой ряд географических образов, оптимизируемых по количеству и структуре соответствующих оболочек-транзакций, фиксирующих собственно "пространственную сделку".

Разберем небольшой пример. Допустим, что транснациональной компании необходимо построить новый автомобильный завод в одном из регионов на выбор: Юго-Восточная Азия, Латинская Америка или Россия. Для решения этой задачи, понимаемой гекономически, надо сначала разработать соответствующие образы данных регионов. Ядра таких образов будут определяться как некие воображаемые "автомобильные пространства", эмбрионально включающие в себя заранее все обычно учитываемые факторы размещения новых автомобильных заводов. Сами эти "автомобильные пространства", естественно, будут воображаться как условные точки, имеющие несколько параметров или качеств. Так, "автомобильное пространство Юго-Восточной Азии" можно вообразить как огромный густонаселенный город с большой безработицей, с невысокими доходами большинства населения, со слабым четвертичным сектором экономики. В случае Южной Америки образ может приобрести черты некоторой непредсказуемости социально-экономической и политической среды: страна с достаточно авторитарным или левым политическим режимом, быстрые изменения массовых настроений, институциональная и инвестиционная среды с большими рисками. "Автомобильное пространство России", в свою очередь, может быть репрезентировано как полугородская или полусельская (слободская, пригородная) местность часто с плохими дорогами, редкими населенными пунктами, с резко континентальным "северным" климатом.

Далее каждое из представленных "автомобильных пространств" должно наращивать свои образные оболочки-транзакции, определяя таким способом свою конечную "цену". Наилучшая "пространственная цена", по-видимому, состоит из сочетания многочисленных оболочек-транзакций и суммарной оценки "образной надежности" этих оболочек, то есть их достаточной структурированности для принятия решения. Итоговое гекономическое решение традиционной экономико-географической задачи может быть представлено как максимально возможное пространственное "*растяжение*", или *расширение*, исходного географического образа, что влечет за собой наиболее точное конкретное решение по выбору действительного географического места размещения.

В рамках гекономики возможна переформулировка или трансформация и других традиционных задач, и проблем экономической географии. В целом экономическая география, не расплываясь в других научных дисциплинах, может с помощью гекономической методологии существенно расширить свой объект и предмет исследования, повысить

когнитивную эффективность своих теоретических и прикладных построений. В то же время для геоэкономики традиционные задачи и проблемы экономической географии – удобный полигон для апробирования и совершенствования ее основной идеи, более точного ограничения ее собственного предмета и объекта.

Геоэкономика, социальные науки и процессы глобализации

В контексте социальных наук геоэкономика может пониматься как изучение географических образов социальных систем и социальной связности, причем социальные связи могут быть представлены как пространственные трансакции. Первичные, элементарные социальные взаимодействия на вербальном и невербальном уровнях (разговор, жестикация, изменение направления движения встречающих пешеходов, обмен электронными письмами и т.д.) будут восприниматься и воображаться в этом контексте как пространственные трансакции, благодаря которым достигаются, так или иначе, пространственные "сделки" (договоренности, компромиссы, взаимопонимание, оптимальные взаимные местоположения социальных акторов). Социальные пространственные "сделки" в таком случае – это синергетические географические образы, синтезирующие как можно большее количество удачных социальных взаимодействий.

Социальное время, как правило, может быть представлено образами определенных мест, стран или регионов. Сами представления о времени, имеющие безусловный пространственный генезис, являются, в известной степени, социальным компромиссом или социальной "сделкой", позволяющей осуществлять конкретные социальные взаимодействия. Всякая социализация (отдельного человека или определенной социальной группы в рамках более масштабных сообществ) протекает как процесс поиска синхронных географических образов, соответствующих доминирующим типам социальных взаимодействий и выражающихся в постоянно увеличивающемся (количественно или качественно) потоке пространственных трансакций.

Глобальное (мировое) развитие есть в известном смысле фикция, или спекуляция, имеющая в своем основании онтологическое представление о неких повседневных и повсеместных социальных структурах или образах, разворачивающихся, саморепрезентирующихся фактически синхронно и симультанно в пределах ими же определяемых пространственно-временных границ [Замятин, 2001^а]. Речь идет в данном случае не о произволе своего рода "мировой воли" (в гегелевском или гегельянском контексте), проявляющей себя в действиях и действиями тех или иных политических, идеологических или экономических сил, но, скорее, об отсутствии такой "воли" или, по крайней мере, ее знаково-символического выражения. Если глобализацию в широком смысле еще можно понять как процесс тотального (или почти тотального) перехода к автоматическим процедурам социальной регуляции и артикуляции, обусловливаемым возможностью и необходимостью постоянного редуцирования вновь возникающих разнообразий (поистине в чисто географическом смысле), то мировое развитие само по себе может интерпретироваться лишь как сугубо локальные, местные, региональные усилия по выработке фундаментальной ментальной стратегии, объединяющей "горизонтальные" и "вертикальные" движения различного рода политик и векторы подобных движений.

По сути, мир в своем развитии (если таковое осмысляется) предполагает широкий спектр политик, направленный на оконтуривание, ограничение самого этого мира. Вот почему мир, взятый в своем онтологическом "срезе", мыслится предельно политично, однако эта мировая политичность (перманентная "политизированность") не обеспечивает, не гарантирует мирового (глобального) характера самих "мировых" политик. Проще говоря, *мировые политики* развития всякий раз, в момент своей саморепрезентации в качестве таковых, теряют, или перестают, в социальном плане контролировать границы "заявленного" мира; мир практически сразу становится "больше", нежели претендующая на осмысление его развития очередная политика. Этот зазор между любой политикой, оперирующей понятием и образом (концептом) мира, и самим миром, понимаемым максимально широко, дает возможность проследить, исследовать истоки

социальных турбулентностей, порождающих пограничную полосу асоциальных и аполитичных явлений и ментальных конструкций.

Понятие глобального развития требует в своем определении смыслового усложнения самих понятий глобального и глобальности. Если глобальное понимать как пресловутое расширение и одновременное углубление пространства (пространств) всевозможных социальных связей, которые могут возникать и формироваться, по сути, "внутри" происходящих повсеместно актов коммуникации, то глобальность может определяться как нарастание, "нагнетание" интенсивности самих актов коммуникации, направленных, собственно, на процедурное обеспечение контекста этих же актов. Всякая социальная (политическая, культурная, экономическая) коммуникация становится в таком случае условием стабилизации любой другой коммуникации, взятой в ее хронологическом "срезе". Социальные горизонты мира (миров) неслыханным образом раздвигаются – человек, гражданин, личность осознает себя, по сути, участником и создателем (производителем) постоянных целенаправленных транзакций, "перерабатывающих" онтологии частных (групповых) миров в своего рода "товарные" (в общественном смысле) знаково-символические структуры и сети, образующие рынки тотального социального предложения и спроса [Appadurai, 1996; Abu-Lughod, 1997, p. 131–139; Экономическая... 2002; Флигстин, 2002].

Бессилие отдельных политических, экономических и иных акторов в конкретных "стрессовых" ситуациях индицирует глобальность в процессе перехода от политик "навязывания" себя другому к политикам отстранения, дистанцирования любого другого (государства, политического или военного союза, транснациональной корпорации, международной неправительственной организации, террористической сети, этнической или локальной общности, и т.д.) для получения готового "отпечатка" образцового археологического "следа". Другими словами, необходимо отодвинуть всякое политическое событие в собственное "прошлое" или же отграничить его в условном, образном пространстве, создаваемом как бы под данное событие. Глобальность есть секуляризация конкретного опыта социальной коммуникации, переживаемого как сокровенное, сакральное, приватное, глубоко личное событие, тем не менее открытое всему миру.

Геономическая интерпретация социальной географии

Геономическая интерпретация социальной географии заключается в представлении пространства как множества различных пересекающихся и взаимодействующих систем географических образов, чьи конфигурации и траектории развития прямо определяются содержанием происходящих одновременно социальных транзакций [Верлен, 2001]. Эти системы – назовем их социально-геономическими – постоянно накладываются друг на друга, часто не будучи связанными между собой какими-либо конкретными событиями; они как бы просвечивают сквозь друг друга, формируя взаимное пространство социально-географического воображения. Например, в плане социально-географического воображения разные страны и регионы могут трактоваться как результат совместных социальных транзакций – как между отдельными людьми и социальными группами внутри воображаемой страны или региона, так и между социальными акторами разных воображаемых территорий [Шенк, 2001].

В социально-геономическом смысле выражения "изобретать Сибирь" (Ф. Бродель) или "воображать Китай" означают, что в результате определенных социальных транзакций возникает дискурсивно хорошо разработанное и сформированное пространство региона/страны, тесно связанное геономически с "материнским", исходным пространством, где осуществлялись данные транзакции. В то же время следует понимать: в процессе социально-географического воображения меняются конфигурации и самих исходных социально-геономических систем – они расширяются и видоизменяются за счет включения в себя внешних образов других территорий. Так, специфические образы Сибири или Дальнего Востока постоянно воспроизводятся с помощью многих социальных транзакций столичными социальными группами и сообществами; без этих образов фак-

тически невозможна полноценная репрезентация социально-геономической системы Москвы [Замятина, 2005].

В социальной географии использование геономических подходов может способствовать более четкому структурированию ее концептуального поля, поскольку в настоящее время отдельные отрасли и направления социальной географии (география населения, география городов, география сельской местности, география образа жизни, география уровня и качества жизни и т.д.) развиваются достаточно обособленно, не имея, по существу, общего методологического и теоретического "стержня". На мой взгляд, главная причина подобной методологической обособленности состоит в сознательном или бессознательном игнорировании в большинстве социально-географических исследований самого пространства, рассматриваемого чаще всего просто "геометрически" – как некие внеположенные расстояние, площадь или точка, оцениваемые в различных социальных координатах (людность поселения, расстояние между городами, прирост или убыль населения в регионе, среднедушевые доходы социальных групп в разных странах и т.п.). Однако всякая социальная деятельность не только происходит в пространстве, но она подвижна и воспроизводится образами пространства, порождающими соответствующие социальные трансакции; эти трансакции, в свою очередь, могут быть представлены как определенные и необходимые географические образы.

Геономический анализ в политических науках

Политические науки предлагают свой спектр проблем, интересных для геономического анализа. Международные переговоры как когнитивные ситуации с очевидным пространственным компонентом, становление особых политических режимов в разных странах и регионах мира, соотношение и взаимодействие различных типов и ветвей власти на одной территории, структуры принятия политических решений – все эти по преимуществу политологические проблемы могут быть эффективно осмыслены и как геономические. Именно в политических науках с помощью уже ставшего традиционным когнитивного картографирования международных ситуаций и процедур принятия политических решений [Structure... 1976; Axelrod, 1984; Eden, 1988] сформирована благоприятная институциональная среда для апробирования геономических подходов.

Политические акторы, взаимодействующие на международной арене, как правило, оперируют простыми географическими образами, помогающими разрешить те или иные политические конфликты и достичь политических компромиссов. Тем не менее, используя геономические подходы, можно расширить сферу образно-географического анализа в рамках политических наук. Любое политическое решение или международный договор можно представить как пространственную сделку, а само политическое или политико-географическое пространство интерпретировать как процесс и одновременно результат политических трансакций.

Подобное расширение смысла политических процессов ведет к их всеобъемлющему институционально-пространственному пониманию: всякий политический актор стремится к умножению, увеличению собственного политического пространства путем мультиплицирования составляющих его первоначальных географических образов. В то же время любой другой политический актор, вступающий с первым во взаимодействие, может быть репрезентирован системой внешних географических образов, часть которых интериоризируется, трансформируется и "доместицируется" первым актором в ходе политических переговоров. В таком случае политическое пространство в обобщенном виде является специфической институциональной средой, где значительная часть предполагаемых или планируемых трансакций уже как бы существует в форме чужих, инородных географических образов.

Применительно к проблемам, исследуемым геополитикой и политической географией, геономическая методология позволяет акцентировать внимание на содержательных аспектах структур и образов геополитических и политико-географических пространств. Например, такие известные геополитические концепты, как хартленд, римленд или по-

нения геополитического буфера и зоны геополитического влияния можно рассматривать сквозь призму геоники как когнитивные сделки по поводу образного структурирования географического пространства. В политической географии проблема изучения политических границ, благодаря ее геонимическому видению, может быть представлена как проблема барьерных или мембранных пространственных трансакций, в результате которых изменяется генезис формирующихся географических образов "заграничного" пространства.

В целом геонимические исследования политических (геополитических, политико-географических) пространств могут быть сведены к проблематике перевода и преобразования исходных пространственных и параспространственных характеристик (размеры территории страны или региона, длина и конфигурация границ, характеристики политиков географического положения, демографический и экономический потенциал государства и т.д.) в последовательности различного рода образных трансакций, которые способствуют наращиванию и увеличению географических образов, понимаемых как непосредственные политические активы. Специфика подобных исследований состоит в том, что сами по себе политические или политико-географические пространства – в определенной мере ментальная или когнитивная трансакция, необходимая в условиях многообразия существующих одновременно политических дискурсов [Замятин, 2003, с. 41–49]. Поэтому использование геонимических подходов в данных научных областях способствует наглядному структурированию базисного пространства-трансакции путем преобразования его в сеть более мелких и очевидных трансакций, формирующих в промежуточных итогах или фазах исследования представление о пространственно-политических сделках.

Геонимика и управление образами

Общественное сознание в ту или иную историческую эпоху есть, по существу, гетерогенное ментальное поле, в котором происходит, как правило, одновременное взаимодействие различных по происхождению образов [Липпман, 2004]. Эти образы представляют собой непрерывные и в то же время дискретные когнитивные трансакции в чистом виде, в форме общественных высказываний и выступлений, репрезентаций различного рода массмедиа. Подобная методологическая ситуация означает, что можно говорить об управлении образами, поскольку всякая когнитивная трансакция предполагает – в открытой или латентной формах – непосредственное изменение (а именно, пространственное изменение) самого образа, как бы вливающегося тем самым в процесс следующей трансакции.

Управление образами – область стратегического анализа и прогнозирования, в которой исследуются структуры и траектории развития образов, доминирующих в общественном мнении и сознании (включая структуры государственного управления, бизнес-структуры, общественные, профессиональные и политические организации). Основные задачи управления образами – 1) нахождение оптимальных структур и траекторий развития уже доминирующих образов; 2) идентификация и последующая разработка скрытых, неявных образов общественного мнения, введение их в активный политический, социальный и экономический дискурс; 3) конструирование новых образов, которые могут при определенных обстоятельствах вводиться в поле общественного мнения или втягиваться в него в ходе активного обсуждения уже доминирующих образов [Замятин, Замятин, 2006, с. 64–69].

В первом приближении ситуация управления образами политического климата и экономического роста в современной России выглядит так. Известно, что в последние несколько лет в России делаются попытки управления политическим климатом. Основные акторы, пытающиеся управлять им, – президент, администрация президента России, крупнейшие российские бизнес-структуры, администрация президента США, верхние политические этажи Европейского союза. Но усилия этих акторов и их представления о политическом климате в России чаще всего слабо согласованы, сильно рас-

ходятся между собой. Доминирует "узкий", или "короткий", образ политического климата, связанный с представлениями о необходимости демократического развития России с учетом особенностей ее исторического и цивилизационного развития. Управление образом экономического роста в России также практически не ведется. Одна из причин – одномерные, плоскостные представления об экономическом росте, доминирующие в общественном мнении (преимущественно рост ВВП, выраженный статистическими показателями). Сам образ экономического роста не рассматривается в России как экономический актив. Исходя из того, что пока это слабый, неперспективный образный актив, следует перейти к идентификации и разработке образов экономической среды и экономического пространства.

В современной России пока невозможно говорить о согласованном управлении образами политического климата и экономического роста – в силу уже указанных выше причин. Системно это очень различные образы, практически "не подключающиеся" друг к другу. Рекомендации здесь могут быть такими: 1) следует разработать более совершенную структуру и траекторию образа политического климата в России; 2) начать конструирование образов экономической среды и экономического пространства современной России; 3) параллельно с этим создавать базовый каталог образных ресурсов общественного мнения и общественных дискурсов России, включающий стандартные технические описания образных ресурсов и экспертную оценку возможностей их управления.

Применение геоэкономических подходов к проблеме управления образами позволяет трактовать любой образ, репрезентированный в общественном сознании, как пространственную трансакцию, призванную расширить само поле общественного сознания. Кроме того, всякий образ, интерпретированный географически, может рассматриваться в качестве наиболее управляемого, поскольку его пространственные характеристики заранее учитываются как определенный экономический, политический, социальный или культурный актив. В когнитивной перспективе проблема управления образами может быть частично редуцирована к исследованиям проблематики оптимальных трансакционных параметров динамичных географических образов.

Геономика в изучении трансакций социокультурного мышления

Восприятие и воображение географического пространства в разных сферах человеческой деятельности связано с возникновением пространственных издержек, которые необходимо учитывать, чтобы формировать, а затем и целенаправленно использовать специализированные географические образы. По сути, и сами географические образы можно воспринимать как когнитивные издержки или ментальные трансакции, позволяющие своевременно репрезентировать и интерпретировать пространства человеческой деятельности. Иначе говоря, какие-либо представления земного, географического пространства фактически невозможны без учета пространственного характера самих этих представлений. Это своего рода "сделка" человеческого сознания с пространством, "требуящим" предварительной ментальной фиксации в виде специфических продуктов и результатов познания – образов, являющихся в содержательном смысле трансакциями геосоциокультурного мышления.

Так, историческая география России, понимаемая как научная дисциплина, изучающая специфику формирования и становления образов различных российских регионов и страны в целом, представляет очень интересную область для геоэкономического анализа. В этом контексте особенно привлекает внимание проблематика колонизации обширных российских территорий и специфика историко-географического воображения российских пространств. Например, наличие сложившейся к началу XXI в. довольно богатой историографической базы позволяет предварительно наметить пути подобного анализа применительно к исторической эпохе 1930–1950-х гг. (эпоха сталинизма).

Огромные лагерные комплексы ГУЛАГа на северных и восточных окраинах Советского Союза не могли быть не чем иным, как попыткой *вторичной колонизации* этих

территорий в жестких условиях вынужденной индустриализации и модернизации СССР. Использование принудительного труда в столь значительных масштабах на фоне политических репрессий в Сибири, на Дальнем Востоке, Европейском Севере, Казахстане способствовало формированию новых амбивалентных образов этих территорий. Существенно, что образы лагерей ассоциировались с образами неосвоенных, диких, безлюдных и холодных районов, ставших источниками промышленного могущества Советского Союза [Hill, Gaddy, 2003; ГУЛАГ... 2005]. Формирование подобных образов окраинных территорий СССР стало своего рода пространственной трансакцией, призванной усилить образ страны в целом, диверсифицируя его за счет ранее почти не использовавшихся или слабо использовавшихся образов фронтальных окраин, богатых различными природными ресурсами. Поэтому и сам ГУЛАГ, его порой вынужденные территориальные стратегии представляются попыткой как политического руководства СССР, так и лагерного начальства создать, разработать не только слабо освоенные месторождения окраин, проливая пот и кровь миллионов заключенных, но и фундаментальные основы массового образа гигантской и могущественной страны, богатой прежде всего образами своих малоизвестных и отдаленных регионов.

Вполне очевидно, что гулаговская колонизация не могла быть достаточно эффективной с точки зрения традиционных экономических показателей и в силу этого обстоятельство – окончательной. Однако бросается в глаза следующее: очередное образное наращивание смысла и значения огромных государственных пространств России/СССР, ставшее традиционным для российской государственности по крайней мере с XV в. [Хрестоматия... 1994; Хрестоматия... 2003]. В рамках подобного политического дискурса государственное пространство предстает не столько потенциальным экономическим полем возможного успеха, но по преимуществу – образом экономики как таковой. Фактически пространство становится не только экономическим ресурсом и вследствие этого – политическим ресурсом, но уже готовой к "употреблению" экономической формой, продуктом, предназначенным для своего рода символических обменов и трансакций.

Российские пространства – синтетический и весьма совершенный кластер экономико-географических образов. Это обстоятельство порождает и определенные дискурсивные и методологические проблемы. Дискурс огромности, неисчерпаемости и богатства российских пространств, так или иначе постоянно разворачиваемый или наблюдаемый в отечественной истории, означает на деле не столько неизбежную экстенсивность российской экономики и ее низкую экономическую эффективность, сколько периодическое воспроизводство экономико-географических образов, являющихся, по сути, одним из важных инвестиционных факторов – как для внутренних инвесторов (к ним в российских условиях относятся чаще всего государственные и парагосударственные акторы), так и для внешних. Для последних образы российских пространств практически синонимичны образам неисчерпаемых природных ресурсов.

Представленная интерпретация позволяет сделать и несколько предположений о роли принудительного труда в экономике России/СССР в длительной исторической ретроспективе. В ставших классическими концепциях российской истории хорошо проанализировано значение крепостного права и различных форм принуждения в расширении и освоении территории России. Однако это значение, как правило, может рассматриваться в контексте либо жесткого государственного освоения, подающего себя как известная политическая и экономическая необходимость, либо вольного, по существу, внегосударственного освоения, рассматриваемого как неизбежное следствие ужесточения государственных форм принуждения на уже освоенных территориях. Однако возможен и более объемный, более широкий взгляд, опирающийся на представление о непосредственной значимости образов пространств в российской/советской экономике.

Постоянно воссоздаваемые и трансформируемые образы пространств, работающие как один из мощных двигателей, "моторов" экстенсивной экономики, могут быть связаны и с характером, формами принудительного труда. Пространство, репрезентируемое образами огромности, широты, богатства, неисчерпаемости, как бы принуждает постоянно и бесконечно осваивать самое себя; принуждение и принудительный труд встраи-

ваются в пучок подобных образов вполне органично – они сами становятся неотъемлемой и естественной частью этой образной системы. Другими словами, экономика, *ориентированная на пространство и оперирующая пространственными образами, вызывает к жизни и различные формы принудительного труда*, становясь чаще всего экономикой принудительного труда (в прямых и косвенных формах); принудительный труд оказывается здесь существенной частью "экономики пространства", каковой в течение нескольких последних столетий и была отечественная экономика.

"Экономика пространства", глобализация и этнокультурные ландшафты

Однако "экономикой пространства" (используя данный образ более широко) можно назвать и интенсивно развивающиеся в настоящее время процессы глобализации. По сути, глобализация означает, помимо всех прочих смыслов, представление о земном пространстве как тотальной, всеобщей трансакции – когда сами акты социокультурной коммуникации оказываются одновременно и пространственными "сделками", образно-географическими "контрактами". Глобализация как бы сжимает понятия трансакции и сделки в один целостный образ, позволяя тем самым реализовать недостижимую ранее топике всеобъемлющих, глобальных в своих репрезентациях ландшафтов.

Как известно, эпоха глобализации, амбивалентная по содержанию характеру процессов, порождает не только обширные пространственные поля междивилизационных и межкультурных взаимодействий, но и обособление четко маркированных этнически мест и территорий, фиксирующих себя новыми этнокультурными ландшафтами. Чаще всего это происходит в рамках процесса, за которым институционально закреплено название мультикультурализма [Малахов, 2000, с. 4–8; Мультикультурализм... 2002; Mapping... 1996, р. 1–18]. Невиданная до эпохи глобализации популярность этнической музыки, этнических фильмов, этнотуризма связана не только с экстенсивным увеличением возможностей межетнических и межкультурных контактов, но и с принципиально иным пониманием характера и содержания самих этнокультурных ландшафтов.

Такое понимание этнокультурных ландшафтов основано на образной, расширяющей интерпретации традиционных этнических территорий. Этнокультурный ландшафт как географический образ может достаточно свободно передвигаться, перемещаться, репрезентироваться в зависимости как от потребностей его носителей/производителей и наблюдателей/зрителей, так и от способов самой репрезентации. Например, концерт исполнительницы тувинского горлового пения в Вене или Брюсселе или воспроизведение ненецких шаманских обрядов и ритуалов в Мадриде или Нью-Йорке в соответствующем оформлении и подаче, в присутствии подготовленных зрителей могут оказаться вполне полноценным и жизнеспособным этнокультурным ландшафтом, существующим не только во время концерта или воспроизведения, но и после них – в форме так или иначе артикулируемых образов, формируемых как участниками, так и зрителями или интерпретаторами увиденного и услышанного зрелища. В свою очередь, географический образ места, где формируется "пришлый", поначалу инородный этнокультурный ландшафт, может сильно измениться в результате его насыщения экзотическими элементами. По сути, рост многочисленных этнических диаспор в крупнейших городах Европы и Америки, а теперь и в России, ведет к сосуществованию, *со-бытийности* множества этнокультурных ландшафтов, расширяющих и трансформирующих привычные автохтонные географические образы.

В рамках геонимического видения этнокультурных ландшафтов можно говорить о том, что пространство выступает здесь как самоорганизующаяся система взаимосвязанных коммуникативных трансакций, причем данные трансакции формируют поле образно-географических репрезентаций этнокультурных ландшафтов. В методологическом плане это означает постоянное нарастание, наращивание все новых образных слоев, представляющих, казалось бы, один и тот же первоначально репрезентированный ландшафт; формирующийся образно-ландшафтный массив все время "дрейфует", создавая и расширяя пространство уже принципиально других ландшафтов, не имеющих в своей

основе автохтонных географических образов. Наложение и "просвечивание" сквозь друг друга таких "корневых" и "лишенных корней" этнокультурных ландшафтов порождает специфические пространственные активы, способные содержательно изменять как характер и сам смысл культурных коммуникативных актов (важно "застолбить" любую точку или площадь земного пространства в качестве *нового, другого* этнокультурного ландшафта посредством именно пространственной трансакции), так и структуру и конфигурацию исходных географических образов, как бы лишаящихся отныне, в момент любой из ландшафтных репрезентаций своей "почвы", своей территории, зафиксированной ранее объективизированными определенной культурой описаниями.

* * *

Подведу предварительные итоги. Геономика как попытка междисциплинарного синтеза идей институциональной экономики и гуманитарной географии может быть позиционирована и как область методологического и теоретического анализа, и как сфера развития разнообразных прикладных исследований и проектов, ориентированных на разработку практических стратегий в культуре, политике, экономике, социальной жизни. Сильная и важная сторона геономики, позволяющая говорить о возможности и необходимости ее концептуального оформления – введение в гуманитарные и общественные дискурсы представления о когнитивной эффективности понимания пространства как образа и трансакции. Если подобное представление сможет укорениться, стать естественным для хотя бы нескольких гуманитарных и общественных наук, то вполне возможно со временем формирование комплекса проблемных научных междисциплинарных областей знания, специализирующихся на изучении пространственных трансакций, контрактов и активов в различных теоретических и прикладных контекстах.

Уже сейчас можно говорить о ряде перспективных фундаментальных тем, которые можно исследовать с помощью геономического подхода. Среди них: геономика и пограничные институциональные ситуации в обществах (пространственные трансакции "вне закона"; возможные *case-studies* на примерах воцарения династии Романовых в России после Смуты начала XVII в., мешочников и мешочничества во время Гражданской войны в России в 1918–1921 гг., Крестьянской войны на Украине в 1918–1921 гг.); геономика и исследования в теоретической биологии (проблематика морфогенеза и эволюции, проблема "удвоения пространства" и образно-географические модели становления жизни и эволюции); геономика и алгоритмы разрешения политических и военных конфликтов (проблематика географических образов разума на примерах Карибского кризиса 1962 г., войны США во Вьетнаме). По сути, геономика может быть одной из предметных научных областей, объединяющей различные гуманитарные и естественные науки (в том числе когнитивные исследования, нейроинформатику и нейробиологию, исследования искусственного интеллекта, стратегический анализ и принятие решений).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Верлен Б. Общество, действие и пространство. Альтернативная социальная география // Социологическое обозрение. 2001. Т. 1. № 2.
- ГУЛАГ: экономика принудительного труда. М., 2005.
- Гуманитарная география. Научный и культурно-просветительский альманах. Вып. 2. М., 2005.
- Замятин Д.Н. Власть пространства и пространство власти. Географические образы в политике и международных отношениях. М., 2004^a.
- Замятин Д.Н. Географические образы мирового развития // Общественные науки и современность. 2001^a. № 1.
- Замятин Д.Н. Гуманитарная география. Пространство и язык географических образов. СПб., 2003.
- Замятин Д.Н. Метагеография. Пространство образов и образы пространства. М., 2004^b.

Замятин Д.Н. Моделирование географических образов. Пространство гуманитарной географии. Смоленск, 1999.

Замятин Д.Н. Политико-географические образы и геополитические картины мира (Представление географических знаний в моделях политического мышления) // Политические исследования. 1998. № 6.

Замятин Д.Н. Разрыв между богатством и бедностью как глобальный геоэкономический образ // Диалог и взаимодействие цивилизаций Востока и Запада: альтернативы на XXI век. М., 2001⁶.

Замятин Д.Н., Замятина Н.Ю. Управление образами: географические образы региональной власти, антитеррористические стратегии и внутренняя политика России // Социологические исследования. 2006. № 2.

Замятина Н.Ю. Вариации региональных образов: когнитивно-географические контексты // Политические исследования. 2004. № 5.

Замятина Н.Ю. Взаимосвязи географических образов в страноведении. Дисс... канд. геогр. наук. М., 2001.

Замятина Н.Ю. Зона освоения (фронт) и ее образ в американской и русской культурах // Общественные науки и современность. 1998. № 5.

Замятина Н.Ю. Когнитивно-пространственные сочетания как предмет географических исследований // Известия РАН. Серия географическая. 2002. № 5.

Замятина Н.Ю. Форпост в центре окраины: социально-политическая контекстность географической информации (на примере официальных сайтов субъектов РФ) // Логос. 2005. № 1.

Замятина Н.Ю., Арутюнян К.М. Взаимосвязи образов стран Европы (по материалам газет "Таймс" и "Нью-Йорк Таймс") // Вестник Московского университета. Серия 5. География. 2005. № 5.

Кочетов Э.Г. Геоэкономика (Освоение мирового экономического пространства). М., 1999.

Липпман У. Общественное мнение. М., 2004.

Луман Н. Дифференциации. М., 2006.

Луман Н. Медиа коммуникации. М., 2005^a.

Луман Н. Общество как социальная система. М., 2004.

Луман Н. Эволюция. М., 2005⁶.

Малахов В. Культурный плюрализм *versus* мультикультурализм // Логос. 2000. № 6.

Машишов М.М. Методология исследования проблемно-содержательной теории, наилучшим образом воспроизводящей теоретические и практические знания в астрономо-геодезии // Известия вузов. Геодезия и аэрофотосъемка. 2001. № 2.

Машишов М.М. Современная геодезия в системе научных знаний, организованной по канону натуральной философии // Известия вузов. Геодезия и аэрофотосъемка. 2000. № 6.

Митин И.И. Комплексные географические характеристики. Множественные реальности мест и семантический пространственных мифов. Смоленск, 2004.

Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ. М., 2002.

Некlessа А.И. Конец эпохи Большого Модерна. М., 1999.

Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997.

Поланьи К. Аристотель открывает экономику // Истоки. Экономика в контексте истории и культуры. М., 2004.

Поланьи К. Два значения термина "экономический" // Неформальная экономика. Россия и мир. М., 1999^a.

Поланьи К. О вере в экономический детерминизм // Неформальная экономика. Россия и мир. М., 1999⁶.

Поланьи К. Семантика использования денег // Историко-экономический альманах. М., 2004.

Поланьи К. Экономика как институционально оформленный процесс // Экономическая социология. 2001. Т. 3. № 2.

Скотт Дж. Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения человеческой жизни. М., 2005.

Флигстин Н. Поля, власть и социальные навыки: критический анализ новых институциональных течений // Экономическая социология: новые подходы к институциональному и сетевому анализу. М., 2002.

Ходжсон Дж. Экономика и институты. М., 2003.

Хрестоматия по географии России. Образ страны: пространства России. М., 1994.

Хрестоматия по географии России. Образ страны: империя пространства. Геополитика и геокультура России. М., 2003.

Цымбурский В.Л. Геополитика как мировидение и род занятий // Политические исследования. 1999. № 4.

Цымбурский В.Л. Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы. 1993–2006. М., 2007.

Шенк Ф.Б. Ментальные карты: конструирование географического пространства в Европе // Регионализация посткоммунистической Европы. М., 2001.

Эггертссон Т. Экономическое поведение и институты. М., 2001.

Экономическая социология. Новые подходы к институциональному и сетевому анализу. М., 2002.

Abu-Lughod J. Going Beyond Global Babble // Culture, Globalization and the World-System. Contemporary Conditions for the Representation of Identity. Minneapolis, 1997.

Appadurai A. Modernity at Large. Minneapolis, 1996.

Axelrod R. The Evolution of Cooperation. New York, 1984.

Castree N. Commodity Fetishism, Geographical Imaginations & Imaginative Geographies // Environment and Planning. 2001. Vol. 33.

Corbett P.W.M. Reservoir Geonomics—Focusing of Essentials of Reservoir of Geological Modeling // First Break. 2002. Vol. 20. № 5.

Cosgrove D.E. Models, Descriptions and Imagination in Geography // Remodelling Geography. Oxford, 1989.

Daniels S. Place and Geographical Imagination // Geography. 1992. № 4.

Eden C. Cognitive Mapping // European Journal of Operational Resources. 1988. Vol. 36. № 1.

Hill F., Gaddy C. The Siberian Curse: How Communist Planners Left Russia out in the Cold. Washington, 2003.

Mapping Multiculturalism. Minneapolis–London, 1996.

Smith D.M. Human Geography: A Welfare Approach. London, 1979.

Structure of Decision. The Cognitive Maps of Political Elites. New York–Princeton, 1976.